

Я обнимал во сне родную землю

нами стали пролетать американские самолеты. Гул их не прекращался, на остров падали какие-то металлические ленты. Иногда самолеты сбрасывали бомбы. Немцы из зениток сбили один самолет и выставили его, как трофей, посредине острова, напротив единственного шестизэтажного дома, где раньше размещался аэродром. Здание было полуразрушено кое-где и сверкало уцелевшими зеркальными стеклами. Низко нависшие тучи плыли над неприветливыми скалистыми берегами. Ветер нес соленые брызги. Дождь хлестал все сильнее и сильнее. В такое ненастье мы промокли до нитки, т.к. работы не прекращались.

2-го февраля 1943 года немцы вывесили черные флаги. Траур охватил всю Германию. А газеты писали, что 20 дивизий окружены на Волге. "Армия Паулюса погибла". Нас это окрыляло, давало надежду жить. Мы строили планы. Угнать катер в открытое море и идти на нем к берегам Англии. Так хотелось свободы. Но вокруг курсировали подводные лодки, шныряли быстроходные военные катера. Риск был безрассуден. Меня три раза за это время сажали в карцер, в обитую черным ржавым железом каморку, били по ногам, по голове. Я терял сознание. Седой, похожий на ястреба полицай избивал меня, и чем больше я молчал, тем злее он был. Один за другим сыпались удары: "Русский офицер-коммунист"... Но среди немцев находились и человеческие люди. Нам помогал один сторож-старик. Он собирал на кухне куски хлеба, остатки солдатского супа и всю эту еду оставлял за цементными мешками. Мы были ему благодарны за эту материальную поддержку.

В начале 1944 года нас вывезли с острова. Новый лагерь был небольшой, но еще более суровый. Немцы были страшно злы и относились к нам по-зверски. Рассказывали, что четверо пленных убежали из этого лагеря, и фашисты нам мстили за них.

Шла весна 1945 года. Мы уже знали, где наша Красная Армия. Ее приход был неизбежен. Но об этом мы молчали. А в глубине души ждали ее упорно и терпеливо, как избавление от плена. Немцы внешне старались держаться спокойно, но на лицах их были написаны тревога и страх за свое будущее.

Нас погнали маршем через Германию. Мы впервые видели немецкие деревни: дома из

красного кирпича, шоссейные дороги, по обоим сторонам которых посажены фруктовые деревья. Во дворах крестьян было много скота - коров, овец, свиней. Ясно, что страна жила за чужой счет. Везде, куда ни бросишь взгляд - колючая проволока, бараки... Навстречу нам попался строй из девочек-евреек. Их вела бело-брысая немка в военной форме, с резиновой палкой. Одна девочка оглянулась. Ее черные большие глаза застыли в недоумении, губы шептали: "Русские, русские". Заметив это, немка-конвоир подошла и со всего размаху ударила дубинкой девочку по голове, и на ее черных кудрях тотчас выступила кровь...

Наводнение фашистской Германии подневольными рабами ускорило ее поражение. Лагерь недовольных гитлеризмом был слишком велик. В плену никакие муки и пытки не могли сломить мужества наших людей.

Долгожданная радость пришла 5 мая 1945 года. Мы ночевали в больших сараях одной деревни. На рассвете услышали грохот танков. Выбежали на дорогу. Двигались машины. Управляли ими негры. Выделялись белые зубы, толстые красные губы. Мы окружили их танки. На нас сыпались галеты, консервы, варенье, мед в банках. Немецкий конвой сбежал. Начался пир на весь мир. Впервые за четыре года довелось насытиться вкусными вещами.

Американцы вели себя в городке весьма непринужденно: гремела музыка, кружились пары, солдаты мчались верхом на лошадях, катались на лодках по большому озеру. Вечерами на бульварах они просто безобразничали, и местная полиция ничего не могла с ними сделать. Солдаты приставали к девушкам, говорили непристойности. Молодые мужчины вступались за них, защищали. Тогда возникали драки и стрель-

ба. Армии в строгом смысле слова не было. Никакой военной дисциплины. Видно, что солдаты наемные, и воюют они за деньги, ясной идеи у них нет.

В 1946 году я вернулся в Ленинград. Он произвел на меня тяжелое впечатление. Дома, забитые фанерой, следы блокады выступали на каждом шагу. Снабжение было по карточкам. Но люди радовались жизни, теплоте весеннему лучу солнца. В Институте имени А.И.Герцена встретили меня тепло и приветливо. Я узнал, что из 27 аспирантов, ушедших на фронт, вернулись только трое. Я восстановился в аспирантуре и стал усиленно работать над диссертацией. Содержание ее мне подсказала пережитая тоска по Родине, по нашей советской земле: "Роль краеведения в коммунистическом воспитании детей".

Говоря о широкой реке, не следует забывать о ручьях, ибо они создают реку. Для того чтобы патриотизм был крепким, непоколебимым, нужно, чтобы он исходил из любви к своей маленькой Родине, к своему городу, селу, краю. Там, на чужбине, в фашистском плену, в тревожном сне я обнимал родную землю, тосковал по родным селам, городам, улицам, хранил в сердце нашу историю. Родина - это Пушкин, Толстой, Чайковский, Горький и Чехов, Сеченов и Павлов, Репин и Суриков, Суворов и Кутузов, - это наша земля, это наше богатство, добытое упорным трудом! На школьном материале можно раскрыть большую картину того, как много дает юноше на заре его сознательной жизни интерес к родному прошлому. Воспитывать с детских лет святое чувство к матери-Родине - это сложная, но благородная задача. Таков был стержень и моей научной работы. Защита диссертации в Институте имени А.И.Герцена прошла успешно. В 1948 году я окончил аспирантуру и уехал преподавать в город Курск.

К.Я.Хорьков,
выпускник педагогического ф-та 1937 г.

По-прежнему в строю

Герценовцы - несовершеннолетние узники концлагерей

Воронцова Елизавета Алексеевна - вахтер 13-го корпуса
Горбунова Нина Петровна - рабочая корпуса на Московском пр., 80
Горшкова Екатерина Николаевна - вахтер 11-го корпуса
Морозова Нина Ивановна - рабочая по уходу за животными агробиостанции в Вырице
Прохорова Валентина Павловна - рабочая геостанции "Железо"

Ленинград все такой же прекрасный

16 июля 1942 года. Дорогие ребята!

Вы просите меня прислать несколько последних номеров "Ленинградской Правды". Каждому из вас хочется узнать больше о том, как живет наш любимый город, хочется хоть краешком глаза взглянуть на широкий проспект 25-го Октября (Невский), посмотреть на Неву, взглянуть на зеленые проспекты Петроградской стороны, побывать во Дворце пионеров, увидеть своих родных, знакомых. Я это прекрасно понимаю, ведь вы - ленинградцы и если Ленинград стал в дни войны особенно близким и родным городом для всех советских людей, то для вас - тем более, ведь большинство из вас родились здесь.

Что можно сказать вам о сегодняшнем Ленинграде? Он - такой же прекрасный и величественный, как и раньше. Ко всему прекрасному прежнему нужно только добавить новую особенность Ленинграда - она вытекает из Клятвы защитников Ленинграда, которая гласит: "Врага не пустим!".

Посылаю вам сегодняшний номер "Ленинградской правды" (от 16.07) и очерк Кармена "Весенний Ленинград", напечатанный в журнале "Огонек" от 28 июня 1942 г., № 26. Газета и очерк помогут вам лучше представить жизнь героического Ленинграда. В каждой заметке вы найдете непреклонную волю ленинградцев к борьбе и по-

беде. В сегодняшнем номере газеты не напечатано, что идет в театрах и кино, но это не значит, что сегодня они не работают. Во всех кинотеатрах демонстрируется новый фильм "Ленинград в борьбе". Он рассказывает о героической борьбе Ленинграда с первых дней войны. В театрах также были представления. В подтверждение этого я посылаю театральный билет, по которому один из моих краснофлотцев смотрел "Баядерку". Он получил этот билет за отличную боевую работу. "Ленинградская правда" выходит на 2-х страницах, а не на 4-х, как раньше. Ленинградцы экономно расходуют каждый лист бумаги. Буду очень рад, если газета и очерк помогут вам ближе познакомиться с жизнью Ленинграда, еще лучше понять его героическую борьбу и, в свою очередь, еще лучше настроить вас на то, о чем пишется в передовой статье газеты.

О вашей жизни, работе, ваших успехах я знаю из писем Жени, но, конечно, знаю мало и буду рад узнать больше. Если будет у вас время, напишите мне. Буду рад получить такое письмо.

До свидания! Желаю вам здоровья, бодрости и успехов в ваших делах.

Ваш С.Лигун
Сердечный привет вашим родственникам.

(Письмо детям в интернат на ст. Нея)

Есть у памяти свойство такое:

После самых суровых невзгод

Забывается быстро плохое,

А хорошее долго живет.

И когда о дорогах войны я

Вспоминаю с друзьями сейчас,

Всевозможные вещи смешные

В разговоре мелькают у нас.

Но хранит наша память иное,

Озаренное светом большим, -

То, что собственно было войною,

То, что попусту не ворошим.

То, что мы охраняем неволью

Часто даже от мыслей своих,

Чтобы сердцу не делалось больно

Каждый день, каждый час,

каждый миг...

Константин Ваншенкин